

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 174–179

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 174–179

<https://bonjour.sgu.ru>

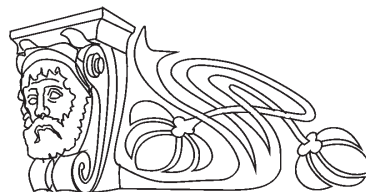
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-174-179>, EDN: JPGZMK

Научная статья

УДК 821.111.09-1+821.161.1.09-1+929[Жирмунский+Байрон+Пушкин]

«Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунского

И. В. Кабанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Аннотация. В 1917–1921 гг., будучи профессором романо-германского отделения недавно открытого (1914) Саратовского университета, молодой Виктор Максимович Жирмунский преподавал общий курс западной литературы и вел семинар «Байрон и его литературные современники». В письме к Б. Эйхенбауму от 29 июля 1918 г. Жирмунский делится с другом планом будущей докторской диссертации о поэтике Байрона и намерением пока сосредоточиться на «большом экскурсе», выросшем из его семинарских занятий, – на исследовании «байронических поэм» Пушкина. По возвращении в Ленинград задуманная и во многом созданная в Саратове книга «Байрон и Пушкин» (1924) была принята в качестве докторской диссертации автора, стала золотым стандартом компаративного литературоведения и переиздается по сей день. Монография рассматривается как методологический прорыв, обеспеченный совмещением традиционного литературоведения с идеями оформлявшегося в тот момент русского формализма. Система доказательств Жирмунского покоится на его доскональном знакомстве с историей русской романтической поэмы, на строгом следовании за текстом. Смелый по тем временам шаг – полное исключение биографических и психологических аспектов из исследования – позволяет ученому вскрыть, что именно заимствуется при литературном контакте с иноязычным источником: мотивная структура, композиционные приемы, формы проявления лирического начала, короче говоря, жанровая модель. Показано, что компаративистские наработки В. М. Жирмунского позволяют видеть в нем раннего предшественника концепций «смерти автора» и интертекстуальности.

Ключевые слова: В. М. Жирмунский, «Байрон и Пушкин» (1924), ранний формализм, сравнительное литературоведение, Саратов

Для цитирования: Кабанова И. В. «Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 174–179. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-174-179>, EDN: JPGZMK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Byron and Pushkin by V. M. Zhirmunsky

I. V. Kabanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Kabanova, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Abstract. In 1917–1921, being the first Professor of World Literature at the recently (1914) opened Saratov University, young Victor M. Zhirmunsky taught general courses in World literature – and seminar “Byron’s Contemporaries in Literature”, which concentrated on literary sources for Byron’s poems and their influence on Russian poetry. Zhirmunsky’s letter to B. Eichenbaum of July 29, 1918 contains an outline of his idea for a doctoral thesis on Byron’s poetics with “a long excursion” based on the seminar’s work – a research into “Byronic” Pushkin’s poems. Presented upon his return to Leningrad as his doctoral thesis, *Byron and Pushkin* (1924) proved to set the golden standard in comparative literary studies and to this day is in print. The book is analyzed as a methodological breakthrough, a combination of the approach of academic literary history with the emerging ideas of Russian formalism. Zhirmunsky’s arguments are backed up by his exhaustive reading of Russian Byronic poems, by his following his texts. His bold for the period exclusion of biographical and psychological aspects from his analysis allows him to demonstrate what exactly is transferred from the source to recipient text: the motive structure, narrative construction, ways of manifestation of the author’s position – in short, the genre model. Specifically, Zhirmunsky is shown to be an early forerunner of the concepts of the death of author and intertextuality.

Keywords: V. M. Zhirmunsky, *Byron and Pushkin* (1924), early formalism, comparative literary studies, Saratov

For citation: Kabanova I. V. *Byron and Pushkin* by V. M. Zhirmunsky. *Izvestiya of Saratov University. Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 174–179 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-174-179>, EDN: JPGZMK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первый профессор кафедры романо-германской филологии Саратовского университета, фактический ее создатель – академик В. М. Жирмунский (1891–1971). Его обширное творческое наследие продолжает привлекать внимание исследователей. О Жирмунском выходят книги мемуарно-биографического характера [1], ему посвящаются научные конференции [2] и специальные номера и разделы журналов [3–5], он широко фигурирует в книгах по истории отечественной филологической науки XX в. [6, 7]. На смену сухим биографическим справкам с перечислением десятка из сорока его книг, докторских степеней, присужденных ему ведущими мировыми университетами после публикации «Немецкой диалектологии» (1956) в немецком переводе (1962), приходит осмысление подлинных масштабов личности ученого и его вклада в мировую науку. Жирмунский предстает не только «отцом» отечественной германистики, но уникальным ученым, равно свободно чувствовавшим себя в литературоведении, языкознании, диалектологии, в фольклористике, определяется его место как методолога гуманитарного знания. «Современник и участник», говоря словами Д. С. Лихачева, двух русских революций и всей драматической истории России XX в., он сегодня вырисовывается как один из самых значительных отечественных филологов.

Будучи на два года старше В. Б. Шкловского, на три – своего троюродного брата Ю. Н. Тынянова, на четыре – М. М. Бахтина, на пять лет – старше Б. М. Эйхенбаума (в эпоху исторических катаклизмов эта небольшая разница в возрасте окажется столь же важна, как особенности личности), Жирмунский сразу после окончания романо-германского отделения Санкт-Петербургского университета в 1912–1913 гг. успел пройти стажировку в университетах Берлина, Лейпцига, в 1915 г. стал приват-доцентом, с 1916 г. начал читать общий курс в своей alma mater. То есть в сравнении с более молодыми «формалистами» он успел в большей мере впитать традицию академической, университетской филологии, которая его, впрочем, далеко не удовлетворяла. Его ранние занятия немецким романтизмом были внутренне созвучны его представлениям о литературе и литературоведении как особой форме познания, противостоящей плоскому позитивизму XIX столетия, как о мистическом поиске целостности жизни, целостности духа. Поэтому в момент

зарождения ОПОЯЗа Жирмунский увидел в его пафосе созвучность собственным потребностям и разделил те положения формалистов, что касались внимания к слову и конструктивному приему при постижении литературы.

Однако довольно скоро выявились и расхождения. Так, Ю. Н. Тынянов видел в позиции Жирмунского и Виноградова, привносивших в «чистый» анализ поэтического языка широкие историко-литературные категории, «правое крыло» формализма [8, с. 139]. Ближайший друг молодости, Эйхенбаум, уже в письме от 19 октября 1921 г. упрекал его в недостатке «фанатизма» в следовании идеям ОПОЯЗа: «Для меня несомненно, что Опояз, и в частности – Шкловский, сыграли в твоей научной работе очень большую роль. Но с другой стороны, ты не пережил никакого перелома – это верно, и здесь-то мы с тобой и разошлись. Ты принял, усвоил кое-что, прибавив это к тому, что ты сам прежде думал и делал. И вот это-то твое сопротивление, это желание сохранить свое прошлое, свою самостоятельность пугает меня в тебе и вызывает иногда раздражение. Я – несколько фанатик и, может быть, этим тоже иногда раздражаю тебя. Но тут ничего не сделаешь – и меня пугает, что в тебе мало фанатизма» [9, с. 314]. Впрочем, история взаимоотношений Жирмунского с ОПОЯзом изучена уже достаточно подробно [10–14]. Можно сказать, что Жирмунский оказался самым взвешенным и умеренным из русских формалистов. В исторической перспективе, когда основные бои вокруг формализма и структурализма давно отгремели, именно позиция Жирмунского, его синтез академической широты и нового понимания задач науки о литературе, выглядит наиболее соответствующим стержневой линии развития литературоведения XX в. Посмотрим, как этот синтез осуществляется в его раннем труде, который был задуман и частично осуществлен в Саратове, – в монографии «Байрон и Пушкин» (1924).

Внешние обстоятельства пребывания Жирмунского в Саратове наиболее полно воссозданы в работе профессора А. И. Авруса (1930–2017) «Петербургские академики В. М. Жирмунский и Б. П. Никольский в Саратове» [15], к которой надо бы добавить материалы переписки с Константином Васильевичем Мочульским. В Саратов Жирмунского пригласил первый декан историко-филологического факультета С.Л. Франк, и работалось ему в Саратове в

1917–1919 гг. хорошо. Аврус перечисляет курсы и семинарии, которые 26-летний профессор вел для студентов, его публичные лекции, которые становились событиями в культурной жизни Саратова. Его друзей и единомышленников по Санкт-Петербургу разбросали годы революции и Гражданской войны; он поддерживает с ними активную переписку и старается помочь, зовет в Саратов Эйхенбаума, Мочульского, А. А. Смирнова. В мае 1918 г. К. В. Мочульский пишет Жирмунскому, что по его совету он подал документы на конкурсное место профессора-романиста в Саратовский университет: «Боря Эйхенбаум, узнав о моем решении, очень загрустил, что ему приходится уезжать в Томск, а не в Саратов. Мы с ним размечтались и рисовали изумительные картины жизни втроем. Действительно, если бы еще он был с нами – мы бы завоевали всю науку» [16, с. 416]. Молодому Мочульскому в Саратове предпочли более заслуженного романиста из Москвы, профессора Николая Сергеевича Арсеньева; Мочульский же позже попал через Одессу в Софию и Париж.

Эйхенбаум добрался «к дорогому Вите» в Саратов осенью 1918 г. Остановился он на квартире Жирмунского, которую тот снимал в доме Самойлова, на углу нынешних улиц Мичурина и Соборной. Эйхенбаум выступил с докладом на заседании Научного общества Саратовского университета. В том же 1918 г. в Саратове оказался на недолгое время и В. Б. Шкловский, правда, на нелегальном положении. После июльского разгрома партии эсеров, к которой он принадлежал, Шкловский по чужому паспорту укрывался какое-то время в Саратове и Аткарске, все это время работая над статьей «О связи приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» [17, с. 206–215]. Все эти подробности характеризуют то непредсказуемое время, но романтической утопии научно-творческого братства на берегах Волги, поодаль от охваченных революцией столиц, не суждено было осуществиться. В подобной атмосфере, с полной преподавательской нагрузкой и затрудненным доступом к научной литературе, Жирмунский активно занимается германистикой, стиховедением, Байроном и Пушкиным.

Саратовские годы – это по продуктивности и разнообразию интересов даже для Жирмунского с его невероятной трудоспособностью своего рода период «бури и натиска». Анналы Саратовского университета далеко не отражают всего диапазона написанного в эти годы. Он

публикуется в Саратове и в Петрограде, продолжает стиховедческие работы на материале акмеизма, написаны «Задачи поэтики», он рецензирует литературно-критические новинки. Самый обширный его труд этих лет, «Байрон и Пушкин», органично вырос из предшествующих научных интересов Жирмунского.

Еще в свои студенческие годы он посещал, помимо занятий на романо-германском отделении, пушкинский семинарий Семена Афанасьевича Венгерова. В предреволюционном Петрограде он стал известен, прежде всего, благодаря его анализу поэзии акмеистов [18]. В свой первый преподавательский год приват-доцентом, в 1916–1917 уч. г., Жирмунский читал общий курс «История английской поэзии в сентиментально-романтическом веке (1725–1825)» (профессора в Санкт-Петербурге общих курсов тогда не читали, только спецкурсы и вели семинарии). Оказавшись в Саратове в 1917 г. единственным преподавателем романо-германской филологии, Жирмунский читал общий курс западной литературы XVIII–XIX вв. и вел семинарий «Байрон и его литературные современники». Так что его вторая диссертация органично вырастает из всех предыдущих научных занятий: европейский романтизм, Байрон как его ключевая фигура, творчество Пушкина, стиховедение. К этому приложились вспыхнувший в нем в саратовский период интерес к трудам Александра Николаевича Веселовского и новый подход к произведению литературы, вырабатывавшийся в живом общении с Эйхенбаумом и в заочном – с деятелями ОПОЯза.

Разумеется, этот подход не абсолютно нов, восходит к трудам Адольфа Гильдебранда, Отто Вальцеля, Бродера Христиансена, которые всем им были прекрасно знакомы; но только в русском формализме, возраставшем в революционный период, этот кризис классического литературоведения, эта неудовлетворенность импрессионистической критикой была доведена до логического конца, выстроилась в самую стройную систему категорий: материал – форма, поэзия – проза, доминанта, прием. Основоплагающие работы по формализму Шкловского вызывающе-парадоксальны, Эйхенбаума – обаятельно-артистичны; Жирмунский придерживается другого тона. В «Задачах поэтики» (1921), еще одной его саратовской книге, пафос отношения к литературным штудиям как к новой форме жизнестроительства умеряется точностью формулировок и логикой аргументации. Произве-

дение литературы, считает Жирмунский, более точно описывается не привычными методами исторической или социологической критики, а как некое конструктивное целое (тогда не пользовались термином «структура»), которое должно быть сначала понято как единство составляющих его элементов. Только после того, как выявлено соотношение между элементами произведения, набор и функционирование его художественных приемов, эти элементы могут быть соотнесены с внелитературным рядом, с социально-историческими смыслами. Такая процедура гарантирует от вчитывания исследователем в текст произвольных значений. И понимая поэтику как «науку о поэтическом искусстве» [19, с. 15], не как историю идей или эмоциональное «проникновение в образ», а, прежде всего, как постижение искусства слова, инструментом для построения поэтики Жирмунский называет «художественно-исторический метод» [20, с. 16]. Возможности и границы применения этого метода он и испытывает в монографии «Байрон и Пушкин».

Как он сам неоднократно говорил, книга выросла из замысла большой работы о Байроне. Письмо Жирмунского к Эйхенбауму от 29 июля 1918 г.: «Этим летом я усиленно работаю над книгой о поэтике Байрона (докторской диссертацией), где я хочу рассмотреть отношение Байрона к поэтической традиции английского сентиментализма и романтизма: 1. Генезис его лирического стиля по юношеским стихам; 2. “Чайльд-Гарольд” и описательная поэма XVIII века; 3. Лирическая поэма Б<айро>на и ее происхождение из поэмы-баллады Кольриджа и Вальтера Скотта; 4. Байронический герой и герой “страшных романов”. I глава составляла, в общей форме, предмет моего доклада в основанном здесь при университете, под председательством Франка, философско-историческом обществе, а за лето я закончу детальную разработку этой главы. Теперь приступаю к большому экскурсу, который у меня выделился из темы моей книги, и отчасти благодаря работам в семинарии, – о “байронических поэмах” Пушкина. Думается, что вопрос о влиянии Байрона на Пушкина должен быть перенесен, как весь вопрос о влиянии поэта на поэта, из области мировоззрения и психологии человека-Пушкина в область художественного воздействия, главным образом в смысле особенностей формы лирической поэмы, воспринятых Пушкиным у Байрона» [9, с. 303].

От первоначального замысла в «Байроне и Пушкине» воплотился только «большой экскурс». Видно, как по ходу исследования выковывается методология – автор постоянно дает в основном тексте краткие размышления методологического характера. В духе становящегося формализма Жирмунский понимает влияние исключительно как традицию поэтических приемов, ограничиваясь имманентным литературным рядом. Не собираясь последовательно и детально рассматривать обе части книги – сопоставление жанровой матрицы байронической поэмы с «южными поэмами» Пушкина в первой части и усвоение через Пушкина байронической традиции в русской романтической поэме во второй части, – ограничимся тезисами методологического характера.

Во-первых, книга по-новому ставит проблему литературных влияний, их распространения и усвоения. В традиционной компаративистике, восходящей к братьям Гримм, в центре внимания исследователя стоял источник влияния, описывалось исходное произведение, его автор, его место в национальной традиции, а авторы и произведения, подвергшиеся влиянию, очевидно содержащего черты сходства с – сегодняшним языком говоря – претекстом, просто перечислялись. У Жирмунского впервые источник и объект влияния рассматриваются с равным вниманием, равно глубоко вписываются в контекст эпохи и подвергаются равно виртуозному стилистическому анализу. От позитивистской констатации фактов сходства Жирмунский в результате переходит к раскрытию уникальных в каждом случае факторов, которые превращают «влияние» из копирования приема в творческое усвоение, в диалог, в котором позаимствованные художественные приемы начинают функционировать в новом целом иначе, чем в источнике влияния. В саратовские годы Жирмунский по-настоящему открывает для себя идеи А. Н. Веселовского о закономерностях исторической поэтики, о механизмах литературных контактов; готовится почва для его будущей концепции трех типов сравнительно-исторических исследований: историко-типологического, историко-генетического и контактного.

Во-вторых, совершенно новым для диссертационного исследования было исключение из него биографического и психологического элементов, шаг весьма смелый. «Душа Байрона» и «душа Пушкина» для исследователя – неизвестные величины, нерелевантные для

компаративного анализа. Это та же логика, которую полвека спустя обнаружит Ролан Барт в концепции «смерти автора». Рассуждая о том, что в литературе влияют и усваиваются не тематические комплексы или отдельные образы, а исключительно жанровые модели и мотивы, которые трансформируются в процессе переноса в новый язык, в новую литературную традицию, Жирмунский перекликается и с бахтинским утверждением о том, что главным героем литературного процесса являются жанры.

В-третьих, особенно актуально звучит полемика автора с теми, в ком обостренное национальное чувство ведет к отрицанию не только влияния Байрона на Пушкина, но и влияния западных литератур на русскую литературу. В книге содержится всего несколько весьма сдержанных замечаний, в каждом случае конкретно опровергающих тех пушкиноведов-предшественников, которые настаивали на независимости «южных поэм» от «Восточных поэм» Байрона, на том, что не было никакого перелома в творчестве Пушкина от «Руслана и Людмилы» к «Кавказскому пленнику», и даже ставивших под сомнение факт знакомства Пушкина с поэмами Байрона. «Байрон и Пушкин» закладывает в этом смысле фундамент для итоговой работы Жирмунского по этой проблеме, «Пушкин и западные литературы», которая была опубликована в 1937 г. во «Временнике Пушкинской комиссии». Там Жирмунский, опираясь на самоопределение Пушкина как «министра иностранных дел на русском Парнасе» [21, с. 99], выделяет французский и английский этапы его творчества, раскрывает историю преодоления Пушкиным байронизма и его переориентацию с Байрона на Шекспира и Вальтера Скотта.

Последнее, что стоит отметить в методологическом плане, – такие специальные аспекты анализа, как приемы композиции, способы проявления лирического начала, характерные мотивы, жанровые трансформации, ведут у Жирмунского к уяснению самой сути новаторства Байрона и Пушкина, различий в их творческих задачах. В результате Жирмунский дает понимание творческих личностей двух поэтов куда более глубокое, чем это возможно сделать при их монографическом анализе.

Вторая часть книги, «Из истории русской романтической поэмы», является исключительным образцом жанрового подхода к литературе. Жирмунский исследует всю толщу литера-

турного процесса: он выявил при сплошном просмотре русской типографской продукции 1820-х–1850-х гг. свыше 200 законченных и фрагментарных произведений в жанре романтической поэмы, показав, что жанровая модель наглядней всего проявляется при ее тиражировании, не в работах гениев, а в работах эпигонов. Эта часть вырастает из опыта саратовского байроновского семинария Жирмунского, но очевидно, что написана она была уже при доступе к фондам Российской публичной библиотеки после его возвращения в Петроград, где он изучил *de visu* полные комплекты русских журналов периода.

«Байрон и Пушкин», представленная в 1924 г. в качестве докторской диссертации и полностью соответствующая академическим нормам письма той поры, в дальнейшем – в отличие от других ранних книг Жирмунского – не ставилась ему в упрек в ходе разного рода «проработочных» кампаний за идеологическую чистоту советского литературоведения. Доступ к постструктуралистским теориям интертекстуальности, к Ролану Барту и Юлии Кристевой, появился у нас только в восьмидесятих годах XX в., а к англоязычным работам по интертекстуальности и принципам формирования литературного канона и того позже. Следует признать, что при всей эффектности эти общепризнанные работы критической теории не отменили компаративистского подхода в том виде, как он разработан Жирмунским. Сильные стороны Жирмунского – широта привлекаемых материалов, тщательность стилистического анализа текстов, обоснованность и взвешенность выводов – и сегодня являются образцом литературоведческого исследования.

За сто лет, прошедших с момента публикации монографии В. М. Жирмунского, сменился язык литературоведения, но при всей терминологической разнице продолжает радовать тонкость и изящество анализа, лаконизм и выверенность теоретических положений. В итоге можно сказать, что в исполненной испытаний творческой судьбе Жирмунского благоприятное стечение обстоятельств в саратовские годы дало ему возможность создать книгу, которая, в отличие от многих литературоведческих работ, востребована по сей день. Ее переиздавали в немецком переводе в 1970 г. в Берлине с новым авторским предисловием, в 1977 г. – в составе семитомника «Избранных трудов» в Ленинградском отделении издательства «Наука».

В 2025 г. издательство URSS предлагает свое третье стереотипное издание этой классики литературоведения. Невозможно учесть количество ссылок на нее в работах славистов, историков романтизма, теоретиков жанра. Таким образом, век спустя «Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунского сохраняет свежесть и значительность и наряду с трудами А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина продолжает провоцировать исследовательскую мысль в науке о литературе.

Список литературы

1. Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 400 с. (Филологическое наследие). EDN: VEPEUF
2. Язык. Литература. Эпос: к 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского : сб. ст. / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб. : Наука, 2001. 443 с.
3. Жирмунская-Аствацатурова В. В. Германия и немецкая культура в юношеских дневниках В. М. Жирмунского (1903–1905) // Русская литература. 2008. № 1. С. 80–98. EDN: ILHPRB
4. Тураев С. В. Мои встречи с В. М. Жирмунским // Русская литература. 2008. № 1. С. 99–104. EDN: ILHPRL
5. V. M. Žirmunskij // Russian Literature. 2012. Vol. 72, iss. 3–4. P. 271–602.
6. Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. 592 с., Т. 2. 704 с. EDN: QXGHLV
7. Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание / сост. Я. С. Левченко, И. А. Пильщиков. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 672 с. EDN: ZFXSDZ
8. Тынянов Ю. Н. Рец. на: «Литературная мысль». Альманах II // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 139–141.
9. Переписка Б. М. Эйхенбаума с В. М. Жирмунским / публ. Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум; вступ. ст. Е. А. Тоддеса; примеч. Н. А. Жирмунской и Е. А. Тоддеса // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига : Зинатне, 1988. С. 256–330.
10. Чудаков А. П., Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Комментарии к статье «Проблемы изучения литературы и языка» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 530–536.
11. Светликова И. Ю. Истоки русского формализма: традиция психологизма и формальная школа. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 168 с. (Интеллектуальная история).
12. Comtet R. V. M. Zhirmunskij (1891–1971) et le formalisme russe [V. M. Zhirmunsky and the Russian Formalism] // Slavica Occitania. 2007. Vol. 25. P. 205–224.
13. Дмитриева Е. Е. «Точно <ли> немцы от нас отста-ли?» Оскар Вальцель и Виктор Жирмунский (эпизод из истории русско-немецких научных связей) // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание / сост. Я. С. Левченко, И. А. Пильщиков. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 115–132. EDN: ZGEFLX
14. Полубояринова Л. Н. О некоторых аспектах рецепции немецкого «эстетического направления» в отечественном литературоведении // Terra Aestheticae. 2018. № 2. С. 114–129. EDN: BWMKSD
15. Аврус А. И. Петербургские академики В. М. Жирмунский и Б. П. Никольский в Саратове // История Петербурга. 2002. № 6 (10). С. 16–19.
16. Лавров А. В. Тексты и комментарии. Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома ; Нестор-История, 2018. 528 с. (Современная русистика, т. 7). EDN: GCUUDI
17. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М. ; Берлин : Геликон, 1923. 397 с.
18. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 106–133.
19. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика ; Избранные труды. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 408 с.
20. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 424 с.
21. Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии : в 5 т. / под ред. Ю. Г. Оксмана. Т. 3. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. С. 66–103.

Поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 17.12.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025